

ТРАДИЦИИ ДЕРЕВЕНСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОВОРА ВЫТЕГОРСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Аннотация: Статья строится на материале говора исчезнувших русских деревень Вытегорского района Вологодской области. Записи были сделаны автором в 60-70 гг. XX в. В статье рассматриваются средства выражения в говоре категории вежливости. Внимание акцентируется на прагматичности используемых информантом средств выражения, а также на использовании некоторых эмоционально-экспрессивных средств коммуникации.

Ключевые слова: куштозерский диалект, коммуникативная категория вежливости, средства выражения

Summary: The article deals with the material of dialects of already disappeared russian villages of Vytegra District, Vologda Region. The author of the article has made corresponding linguistic records during 60-70-s of XX century. The article describes the dialectal means of expression in category of politeness. Special attention is given to pragmatic usage of means of speech expression used by informants as well as to usage of some emotionally expressive means of communication.

Keywords: Russian dialects, communicative category of politeness, means of politeness expression

В течение ряда лет мы проводили наблюдения над речью своей бабушки, неграмотной русской крестьянки Дарьи Николаевны Пашковой (в девичестве – Андроновой). Родилась она в деревне Дундуково Куштозерского сельсовета Вытегорского района Вологодской области в 1897 году, т.е. в конце XIX в.² Значительную часть своей жизни Д.Н. Пашкова прожила в не столь отдалённой от Куштозера деревне Ежезеро, в которую вышла замуж за С.Л. Пашкова. Последние десятилетия своей жизни наша собеседница провела в Вологде, где, общаясь с членами многочисленной семьи, всё равно говорила на своём особенном диалекте. Для дочери информанта диалект в устах матери был привычным, естественным средством общения. Однако внуки информанта, выросшие вне тесного контакта с бабушкой, не уставали удивляться специфике звучащего в её устах говора и в течение длительного времени, вплоть до 1976 г., вели записи сказанного ею. Проживание в течение последних лет в городе самым минимальным образом сказалось на традиционном строе речи Д.Н. Пашковой. Об этом убедительно свидетельствуют фрагменты сделанных записей:

Отц'а н'е стало, мат'ер'и н'е стало. Как голују сокола м'ен'а остав'ил'и. Отправ'ил'и м'ен'а крај б'елу св'ету. Дак как ја буду жыт'? Како жыт'жо мн'икава? У м'ен'а там фс'о остав'ено. Луч'ше појехат'к своима хот'. С вами жыт'? В'ет'это жыт'жо н'е тако-о-је.

Многочисленные тексты такого типа были записаны на магнитофон в непринуждённой домашней обстановке. Стилистика общения была доброжелательной, по-семейному ласковой. Тем не менее обычно Д.Н. Пашкова проявляла в общении строгую сдержанность, деловитость и вместе с этим – вежливость, деликатность коммуникации.

Покажем далее на примерах некоторые особенности коммуникативного поведения Д.Н. Пашковой.

Обусловленность некоторых черт коммуникативного поведения фольклорной традицией сказывается в использовании информантом различных малых жанров фольклора и присущих ему средств выразительности: *Жила бы в своём доме да в своём уме* (ритмизованность и лексический повтор); *Подаришь? Неезжалюю коня, а небывалюю дитя* (пословичный характер фразы, антитеза); *Не боги горшки делают, а андомские горшечники* (использование пословиц и поговорок); *Ой, горькэй отець! Поехал сюды и нас-то увёз!* (использование фольклорного эпитета); *Отправили меня край белу свету* (фразеологизм с архаическими формами); *Отц'а не стало, матери не стало. Как голую сокола меня оставили* (фразеологизм на основе сравнения).

Д. Н. Пашкова знала и легко воспроизводила старинные плачи и причитания, такие, например, как причет, с которым женщины-участницы свадебного обряда обращались к невесте: *Ты стань, бела лебедушка, На резвые на ноженьки, На сафьянные сапоженьки! Отодвиньтесь, люди добрые, Отодвиньтесь, православные! Дайте мистецька немношецько, Половэй доски узёшенько.*

© Л.Ю. Зорина, 2015

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда. Проект № 15-04-00205 а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

² Зорина Л. Ю. Вепско-русское прошлое Куштозера // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России. Материалы V Всерос. конф. финно-угроведов. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. Петрозаводск, 2014. С. 19-22.

Используемые информантом жанры фольклора различны. Это колыбельные (*Баюшка нова, Оцяпинушка елова, Шитэй, бранэй положок – Спи, мой милэй малишок!*), фрагменты сказочных текстов (*Наповадилсе коток ходить по масло и тварог*), многочисленные частушки (*Вецериноцька холодна – Одевать надо сацёк. Нешто деушке надяцце На дролин пинжацёк?*).

По-видимому, со стабильными ценностями фольклорных материалов связана и общая **тональность экспрессивности, ласкательности** в коммуникативном поведении информанта: *А сыр делали с творогу, дома, х пецьки. Потом на миленке – как песоцек, маслом намазывали; И кладывали этот сыр миленькой туда. Вот. И короцьки тоненьки выколотят; Песоцьку надо, на десять сканцей надо цяшецька такая, ну, стакашник примерно песоцьку.*

Доброжелательностью, коммуникабельностью Д.Н. Пашковой обуславливается её постоянное **стремление вовлечь собеседника в разговор**: *Сельга – ведь хорошо место: мышняк рос хорошэй, тетёры водились. Видала тетёр?; Выкосят, высохнет сено, выграбят, в копни складут. Будёшь, можёт, грабить да в копни кладывать; Много девок, дак надо куды-ни выпехнуть. А хоть ты живи как угодно. Топерь хоть убежат, правда, да?*

В речи Д. Н. Пашковой частотны обращения к Богу: *Ой, как меня шунёт-то, Господи!; Дай ты, Господи, мни-ка смерётушку, пособи ты, помоги мни умереть на роботы. К Богу она апеллирует как к защитнику: Она глаголет не тоё. Избави Господи!; Больше-то я стоды никохда не крянусь, избави Господи! К людям же она обращается через их отношение к христианской вере: Отодвиньтес, люди добрые, Отодвиньтес, православные!*

В общении информант часто использует **вокативы обобщённого типа**: *Ростреложила я тебя, милая; А уехать посередки – что ты, милая моя!; Да каки у меня паклюшки в носи? Что ты, милая моя!; А потом пойду к самому и скажу: «Вот, милый мой, скотинка твоя пропала»; Ой ты моя бажёная! Не менее частотны вкативы персонального характера: У миня, Люся, сапозжонка-та здисява?; Я не каюсе, Люсенька: я вышла замуж хорошо; Люсенька, милая, уж ты-то пособи как-нибудь. Степень «теплоты» в обращениях в разных случаях градуируется: Люся, Люсенька, Люсенька, милая.*

Реплики информанта зачастую **строга рациональны, пронизаны прагматизмом**: *Небольшенькэй-то робёнок ножкам кибандает, а выростёт, дак ходко ходит. Ты маленькая, дак, верно, кибанда, а большая дак неужто будешь кибандать? (кибандать – ‘семенить’). Иногда Д.Н. Пашкова, раздражаясь, даёт **пояснение** тому, что, на её взгляд, должно быть абсолютно понятно собеседнику: *Гойташник дёржали на шеи. Бывал золотой, бывал серебрянэй. Ведь не плели жё на руках.**

В записях представлены **диалектные формы выражения благодарности**: *Здись – дак ведь Спасибо на твоём цяйку! Выпьешь и цяйку опружишь.* Это так, по представлениям информанта и принятым в деревне правилам поведения, должно заканчиваться чаепитие. Вообще обращает на себя внимание **особое отношение к визиту гостя**, сложившееся в Куштозере. Там существуют глаголы *гоститать* – ‘принимать в качестве гостя’, *отгоститать* – ‘в ответ на чьё-либо гостеприимство принять человека у себя в качестве гостя’: *Дак понаровим маленько. Знаешь, как тебя будут гоститать!; Придут гости, может, станешь гоститать; Я бы тебя потчевала, гоститала; Мы бы тебя отгоститали; Мы тебя отгоститаем и провадим; Тёта Тося тебя отгоститае.*

В записях речи информанта отмечен **жанр похвалы**: *Ой ты моя бажёная! Как ты меня хорошо намыла!* (диалектное слово *бажённы* означает ‘любимый, родной’).

Наши записи носят, конечно, ограниченный характер, возможно, поэтому набор конструкций для выражения модальности желательности неширок. Желательность обычно выражается формой повелительного наклонения: *Опашет, дак дай мни виника опахать в комнаты. Я уж давно дожидала; Не кладывай моего напередника!; Дай мни нестиранэй плат.* Фактитивный оптатив находит своё выражение в формулах благо- и злопожеланий.

Благопожелания, так широко бытующие на территории распространения вологодских говоров,³ в записях речи нашего информанта представлены единственной формулой: *Дай им, Господи, добра и здоровья!* Благопожеланий зафиксировано так мало потому, может быть, что целенаправленный опрос, ориентированный на фиксацию таких формул, во время записи не проводился. Ещё, может быть, потому, что в условиях городской жизни не возникали ситуации, когда требовалось стандартное благопожелание (уборка зерновых, сенокос, забой животного на мясо или др.). Дочь Д.Н. Пашковой, жившая в деревне с родителями до 14 лет, вспоминала формулы благопожеланий, применяемые в отдельных ситуациях (*Тепла в дом!* – при кладке печи, *Масло желто да в крупиночку!* – в ситуации, когда сбивают масло). Следовательно, эти элементы существующей системы благопожеланий в говоре были, но

³ Зорина Л. Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры. Вологда, 2012.

Д.Н. Пашкова их не использовала. Известно, что благопожелания выполняют орнаментальную и развлекательную функции, а для прагматично ориентированной Д.Н. Пашковой они были просто чужды.

В отдельные моменты, когда на 78-летнего информанта находило «затмение» (она всё стремилась вернуться «домой» – туда, откуда родом, т.е. в привычную деревенскую среду), в её речи проявлялись элементы языковой агрессии:

В использовании бранных выражений: *Ой ты подлянка несчастная! Бессовестная тварь!; Ой ты зараза ты, халера ты!; Ух ты, халера ты, зараза ты!; От сотона дьявольная!; Ой ты, сотона ты дьявольная!; Ты сама-то засера непутняя!; Вот халера-тот!*

В использовании обценной лексики: *Ой ты загрёба ты!; Грёб твою мать!* В добром расположении духа информант не хотел воспроизводить текст матерной частушки, сочинял в ходе беседы «благопристойный» её вариант: *По косой по огороды Парень добираеце. Надо девушку-ту взять – Ко мне не двигаеце.*

В частотности акта угрозы: *Я как плачкну – токо мокрица будёт!; Я как тебя коромыслом оправлю!; Раз она так, и ей всё некусом пройдёт!; У матери глаза выкопает!; Даси, дак я дам, дак глаза вытекут!; Ежели взяла, дак я ворот оторву!; Ну, ежели оставишь, дак я розорву на лешей след!; У меня возьмёшь, дак и у тебя ницега не останеца – ветром всё унесёт!*

В использовании жанра упрёка: *Эту-то – сидит, горбатая! – расклинат на дви цясти! Зацим лошадь мою увела?; Тибе-то радощно! Смиёссе! Ты на своём приданом живёшь? Ты на мужицьём живёшь!*

В пожелании чего-либо недоброго: *Паром бы схватило!; Халера ей бы забрала! Будь я проклят доци!; Чтоб у тебя ветером унесло!; Жаба бы села има за это!; Жаба сядь хорошая!*

В многочисленных проклятьях: Частотны упоминания лешего: *Пый ты к лешёму; Да ну ты к лешёму со штям-то!; Неси ты леший, гуляльница!; Леший ты неси да безо всякого опаси!; Да лешёво тиби в руки!; Понеси ты на лешей след!; К лешёму поеду в руки!; Лешего тебе в руки!; Понеси ты лешэй!; Паром бы схватило!* Информант корит себя за необдуманные поступки, поэтому серия проклятий «достаётся» и ему самому: *Осенесь сюды поехали – будь проклят моя голова!; Ецё буде я приеду, дак голова моя отпади!; Прокляни мою голову!*

Хотя в приведённом перечне заметно преобладают средства выражения языковой агрессии, Д.Н. Пашкова вела себя в жизни как человек добрый, вежливый, этикетный. В её поведении было заметным стремление к почти дипломатическому дистанцированию от источника раздражения: *Иди-ко от меня подале!* В качестве защитного барьера при неприятном общении ею выражалось безразличие: *Да плевать мне в тебя!; Плевать во всё!*

Таковы в общих чертах особенности коммуникативной культуры, отражённой в записях речи неграмотной крестьянки Д. Н. Пашковой родом из давно уже исчезнувшей русской деревни.

